

Федина Ирина Михайловна

кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры истории
и культурологии
Кубанского государственного университета
dom-hors@mail.ru

Шаповалов Сергей Николаевич

кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры истории
и культурологии
Кубанского государственного университета
dom-hors@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КУБАНСКОЙ СТАНИЦЫ В 1920-Е ГГ.

Аннотация:

В статье раскрывается процесс трансформации повседневности кубанской станицы в 1920-е гг., оказавший существенное влияние на социально-культурное развитие традиционного казачьего мироустройства. Показана роль революционных праздников в пропаганде социалистических преобразований.

Ключевые слова:

делегат, инсценировка, история повседневности, карнавальное шествие, клубная работа, кубанская станица, советские праздники.

Fedina Irina Mikhaylovna

PhD in History,
Lecturer of the History
and Cultural Studies Department,
Kuban State University
dom-hors@mail.ru

Shapovalov Sergey Nikolayevich

PhD in History,
Lecturer of the History
and Cultural Science Department,
Kuban State University
dom-hors@mail.ru

TRANSFORMATION OF EVERYDAY LIFE IN THE KUBAN COSSACK VILLAGE IN THE 1920-S

Summary:

This article deals with changes of the everyday life in the Kuban Cossack village in the 1920-s, which had a significant impact on the socio-cultural development of the traditional Cossack world order. The authors consider the role of the revolution commemorations in popularization of the socialist reorganizations.

Keywords:

delegate, dramatization, history of everyday life, pageant, Kuban Cossack village, work in clubs, soviet holidays.

Изучение истории повседневности является актуальной задачей исторической науки и пользуется устойчивым интересом у региональных исследователей [1]. Однако процессы трансформации повседневности периода 1920-х гг. еще не являлись объектом изучения, хотя история повседневности позволяет воссоздать образ жизни, бытовую культуру и даже мысли исторической эпохи. Особенности социально-культурной повседневности кубанской станицы в 1920-е гг., безусловно, на наш взгляд, нуждаются в самостоятельном научном исследовании и в данном контексте выступают критерияльным отличием.

Казачья станица, несмотря на замкнутость и изолированность, представляла собой целостный живой организм, столетиями обеспечивавший преемственность и передачу культурных традиций казачества. В казачьей поселенческой структуре сохранялись демократические институты, традиции и ценности повседневности. Казаки прочно держались сложившейся системы воинской службы, общинного землепользования, семейных обычаев мировосприятия и религиозного самосознания.

Процессы трансформации, начавшиеся с установления на Кубани советской власти в марте 1920 г., непосредственно затронули образ жизни станицы, полностью изменив систему ценностей казачьего сообщества.

Изменения, обусловленные «социалистическим строительством», наиболее заметно проявились во внешнем облике, в социальной и культурной инфраструктуре. На про-

тяжении 1920-х гг. казачьи станицы подвергались разрушению традиционного мировоззрения, в рамках которых господствовали прямо противоположные тенденции культуры и быта.

Стоит признать, что в 1920-е гг. была развернута мощная агитационно-пропагандистская кампания по вовлечению населения в коллективные мероприятия. Под воздействием коммунистической пропаганды и идеологии в кубанские станицы приходят преобразования, а именно коллективные собрания, субботники и воскресники, выборы в местные партийные выборы, участие в революционных праздниках и пр.

В качестве резерва социалистического строительства партийными органами рассматривалось вовлечение в общественную жизнь женщин. Центральные и местные власти стремились приобщить женщин к производственной и идеологической деятельности. Для них создавались специальные курсы и был даже организован делегатский аппарат. В 1920-е гг. «делегатками» называли участниц делегатских собраний беспартийных женщин, вовлекаемых большевистскими партиячками в общественную жизнь для превращения в последовательных пропагандисток новой жизни. Партийными и советскими органами рекомендовалось обращать серьезное внимание на повышение культурного уровня женщин через ликбезы и уголки при избах-читальнях [2].

Выполнение делегаткой новой социальной роли способствовало постепенному превращению ее в советскую женщину. Традиционные патриархальные отношения и нормы мешали массовому вовлечению женщин-казачек в 1920-е гг. в социалистическое строительство. В этой связи местные партийные власти пытались заинтересовать девушек-казачек общественной и идеологической работой, вначале привлекая их в кружки, затем в ударные бригады, а через них – уже в организацию ВЛКСМ.

На массовые коллективные собрания, организованные в станицах при сельсоветах, привлекалась прежде всего беднота и иногородние. Население созывалось на собрания перед проведением политических кампаний, землеустройства, перевыборов. По таким вопросам, как освещение международного и внутреннего положения, созывать бедноту не рекомендовалось [3].

Середина 1920-х гг. ознаменовалась для кубанских станиц последовательной работой по созданию и расширению социально-культурной инфраструктуры. Открывались пункты бытового и культурного обслуживания, избы-читальни, ликбезы, Дома крестьянина. Организационной формой для работы с населением стали различные станичные клубы, ставшие центрами культурного, политического и экономического просвещения. На общих собраниях избачи и ответственные работники читали лекции, готовили доклады на общественно-политическую тематику, проводили беседы, ставили спектакли, организовывали концерты, показывали кинофильмы. Примечательно, что этой работе придавалось немаловажное значение, так как на клубы возлагались задачи социалистического переустройства станицы.

Центром внимания клубной работы стало «разъяснение» населению кубанских станиц политических задач партии через цеховые и семейные вечера, кружки, митинги. Кроме того, клубы проводили широкие антирелигиозные кампании. Например, Стандартским райкомом ВКП(б) настоятельно рекомендовалось проводить в клубах антирелигиозную рождественскую кампанию так, «чтобы у населения был 100%-й выход на работу», а также «выяснять классовую сущность религиозных праздников, в частности Рождества» [4]. В борьбе с религией для проведения бесед и докладов привлекались активисты и организовывались антирелигиозные кружки. Образованные культотряды – «синелузники» – также использовались для проведения антирелигиозных кампаний, «комсомольских улиц», а в качестве стимулятора социальной активности использовали агитпередвижки [5].

Глубокие изменения затронули традиционный культурный пласт казачьей культуры путем внедрения элементов массовой культуры. Причем проведение культурных социалистических мероприятий возлагалось на «культурные силы станиц» – сельскую интеллигенцию.

Вместе с тем общественность вела широкую пропаганду против религиозных праздников, одновременно создавая условия для развития праздников революционных. Такая политика давала определенный результат.

Новые традиции получили название «красной обрядности»: в начале 1920-х гг., с целью противодействия церковной обрядности, комсомольцы и активная молодежь устраивали альтернативные религиозные празднования – красную «Пасху», «Рождество», сопровождавшиеся массовыми агитационными действиями и зрелищами. Совершенно необычным явлением в кубанской станице стали «комсомольские свадьбы», проводившиеся без участия священнослужителей. Распространение также получили «красные крестины» (октябрины) и пр. Они имели ярко выраженную атеистическую направленность, пропагандировали советский образ жизни и новые взгляды на общественные и брачно-семейные отношения.

Руководители большевистской партии весьма внимательно относились к искусству и в особенности к массовым народным гуляньям, рассматривая их как эффективную форму пропаганды революционности, социалистического образа жизни. Так, приобщение населения Кубани к новым праздникам началось с весны 1920 г. Новые праздники наглядно демонстрировали разрыв с прошлым и меняли повседневную жизнь станицы.

Для привлечения кубанских станичников к участию в советских праздниках организаторы использовали разнообразные культурные мероприятия. Местные артисты давали бесплатные спектакли и концерты, демонстрировали инсценировки.

Имеющиеся материалы позволяют сделать вывод, что празднование 1 Мая в 1920 г. в кубанских станицах не носило массового характера. В празднике участвовали члены партийных и советских органов, профсоюзов, красноармейцы и представители их семей, иногородние, а также учителя, школьники и дети дошкольного возраста. Получается, что не праздновала основная масса жителей станиц – хлеборобы (казаки). Поэтому одной из главных задач организаторов советских праздников в кубанских станицах было привлечение хлеборобов.

Стоит отметить, что шаги в этом направлении были сделаны уже накануне празднования 3-й годовщины Октябрьской революции в 1920 г. В плане праздничных мероприятий подчеркивалось: «необходимо, чтобы устройство празднования охватило и привлекло к участию в нем массы трудовых казаков и крестьян; городскую и станичную рабочую казаче-крестьянскую молодежь, а где возможно, и детей... Центром внимания должна быть организация празднования в станицах, хуторах, поселках...» [6]. Культурный поворот в сторону станицы был отнюдь не случаен. Именно казаки составляли основную массу населения Кубани. От отношения этой группы к советской власти во многом зависел успех всех проводимых преобразований.

Характерной чертой советских праздников в кубанских станицах в начале 1920-х гг. являлось однообразие праздничных мероприятий, которые, за редким исключением, сводились к собраниям и митингам. Так, в 1921 г. в честь 4-й годовщины Октябрьской революции в станице Васюринской был устроен вечер воспоминаний, общее собрание и платный спектакль в пользу голодающих Поволжья, на котором было собрано 400 000 р. [7]. Во время празднования 1 Мая в станице Кореновской в 1923 г. предпочтение было отдано митингам. Станичники и школьники участвовали в митинге со своими знаменами в

центре станицы, затем на братской могиле, где был открыт памятник, и в заключение «на площади, где снова митинг» [8].

Определенное влияние на распространение советских праздников в станицах оказала смычка рабочих с крестьянством. Так, в преддверии 1 Мая в 1923 г. в кубанские станицы были командированы ответственные рабочие и представители шефских ячеек для участия в Первомайском празднике. Они выступили с докладами на митингах, раздали привезенную литературу и вручили подарки. Из станиц в Краснодар были направлены делегации казаков-хлеборобов для обмена опытом и совместного участия в Первомайской демонстрации [9]. Приглашение представителей города в станицы на празднование и для других совместных мероприятий получило дальнейшее закрепление в повседневной жизни населения.

К середине 1920-х гг. революционные праздники в кубанских станицах обогатились новыми формами и содержанием. Так, в 1924 г. празднование 1 Мая в станице Брюховецкой продолжалось в течение трех дней и было наполнено различными мероприятиями. Как свидетельствуют отчеты, станичные улицы были украшены советскими символами и цветами. Праздник начался с торжественного заседания, на котором помимо традиционных докладов проводились «октябрины» двух детей. Вечером бесплатно демонстрировался кинофильм «Кровавое воскресенье». На второй день проводился митинг и инсценировка «Вставай для борьбы, колониальные рабы». Вечером для станичников организовали бесплатные зрелища. На третий день проводился массовый детский праздник [10].

Подобную организацию праздника и привлечение различных культурных сил могли себе позволить лишь крупные и зажиточные станицы, так как принцип бесплатности всевозможных зрелищ для населения отнюдь не означал безвозмездного труда артистов и пр. Поэтому праздник в станице Брюховецкой был скорее приятным исключением из правила.

Для повышения значимости и популярности революционных торжеств в станицах во время празднования устраивались различные конференции, куда съезжались делегаты из соседних районов и хуторов. Например, беспартийная крестьянская конференция была проведена в станице Кореновской в рамках празднования 7-й годовщины Октябрьской революции в 1924 г. В Кореновскую приехали 10 тракторов с прицепами, в которых размещались хлеборобы, женщины и дети из соседних хуторов [11].

Для оживления советских праздников в кубанских станицах использовались различные приемы. Так, в станице Северской во время празднования 7-й годовщины Октябрьской революции в 1924 г. демонстранты исполняли революционные песни и выкрикивали приветственные лозунги в сопровождении духового оркестра. Торжественное заседание сопровождалось концертом и пьесой. По схожему сценарию проводился праздник в станице Абинской [12].

Творчески подошли к празднованию 8-й годовщины Октябрьской революции в 1925 г. в хуторе Александровский Усть-Лабинского района. В день праздника местные организаторы поставили инсценировку в центре станицы. В ней главными действующими лицами были: «Чемберлен», «генерал-представитель императора Николая Николаевича», «фабрикант», «рабочий», «крестьянин» и «комсомолец». Все герои облачены в соответствующие костюмы. В диспуте между участниками инсценировки победу одержали представители советского общества. Организаторы сохранили свой замысел в тайне, и для многих станичников инсценировка стала полной неожиданностью [13].

По имеющимся данным, к середине 1920-х гг. в советских праздниках стали принимать участие не только представители местных партийных, советских и общественных

организаций, но и хлеборобы из казачьей среды и батраки. Вследствие этого можно утверждать, что к середине 1920-х гг. советские праздники заняли определенную нишу в повседневной жизни кубанской станицы.

Во второй половине 1920-х гг. советские празднования в кубанских станицах стали более организованными и насыщенными. Например, в станице Павловской 1 Мая 1926 г. отмечали в течение трех дней. В первый день праздника было организовано шествие, в котором приняли участие не только станичники, но и дети коммуны «Школа труда» со своим карнавалом оформленным трактором. Демонстрантов развлекал местный кружок физкультуры. Вечером хлеборобам показывали световую газету и кинокартину. Посещение культурных мероприятий сопровождалось карнавалом, подготовленным комсомольцами. Окончание дня было ознаменовано запуском ракет.

Во второй день станичники вновь увидели выступление кружка физкультуры и даже игру в футбол, а вечером – световую газету и кинокартину. Третий день был посвящен скачкам и джигитовке. По оценкам советских организаторов, за три дня в праздновании приняли участие около двадцати тысяч человек [14].

К приводимым в отчетах цифрам посещаемости зрелищных мероприятий необходимо относиться достаточно критично. Из обзора политического состояния СССР за май 1926 г. известно, что «в праздновании 1 Мая в деревне крестьяне массового участия не принимали. Однако там, где праздник был хорошо организован, участвовало значительное число крестьян...» [15].

Масштабностью и организованностью отличалось празднование 1 Мая 1928 г. в Брюховецком районе. В населенных пунктах района состоялись демонстрации и митинги. На шествие были выведены все имевшиеся в районе трактора, украшенные лозунгами и знаменами. Они двигались вместе с массами населения и создавали эффект советского карнавала. Некоторые населенные пункты проводили совместные празднования, например, станица Ново-Джерелиевская и хутор Бейсуг, коммуна «Всемирная дружба» и хутор Вербицкий. После демонстрации и митингов в населенных пунктах устраивались спортивные состязания, скачки, народные гуляния, всевозможные игры и экскурсии. Вечером в народных домах, клубах, театрах, красных уголках проходили художественные постановки, спектакли, концерты и живые газеты [16].

В то же время из отчетов агитпропов известно, что первомайское празднование в 1928 г. имело и некоторые недостатки: слабое участие масс, особенно хлеборобов, в подготовительной работе и праздновании, малолюдность демонстрации и митинга, отсутствие на митинге и демонстрации большей части хлеборобского населения [17]. Следовательно, даже в конце 1920-х гг. советские праздники еще не охватывали все население кубанских станиц.

Для станиц была актуальна и проблема девиантного поведения во время празднования советских торжеств. Характерным примером может служить празднование 1 Мая в станице Чепегинской в 1929 г. В этот день председатель стансовета и секретарь ячейки, перед тем как идти на торжественное собрание, выпили и были не в состоянии сделать доклады. Они выслушали приветствия и на этом закончили торжественное собрание. Прибывшие из хуторов красные обозы так и не дождались представителей власти. По окончании митинга все ответственные работники собрались и «отметили» Первомай. После этого в станице долго раздавались песни и крики «Ура» [18]. Однако подобные ознаменования советских торжеств скорее были исключением. Имеющиеся архивные материалы и отчеты периодической печати не позволяют говорить о массовом распространении «опыта» станицы Чепегинской.

Суммируя все сказанное, необходимо отметить, что в 1920-е гг. празднование новых революционных торжеств стало частью повседневной жизни кубанской станицы. Преимущества новых праздников заключались в их общественном, коллективном характере. Советский массовый праздник объединял большие массы людей – иногородних, красноармейцев, школьников, молодежь, отчасти стариков. Он обеспечивал формальное одобрение со стороны «масс» политики власти. Анализ массовых праздников на Кубани в 1920-е гг. свидетельствует о том, что власть в новых политических условиях стремилась использовать праздники как пропагандистский, агитационный рупор для населения. В то же время население довольно критично относилось к культурным мероприятиям советской власти, и стоит признать, что наряду с внедрением советской обрядности долгое время в станицах Кубани сохранялись традиционные черты повседневности – убранство казачьих домов, элементы казачьей одежды и пр.

Ссылки:

1. Бондарь Н.И. К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999 ; Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры кубанского казачества // Православие, традиционная культура, просвещение. Краснодар, 2000.
2. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 54. Л. 50.
3. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л. 12.
4. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 76. Л. 42.
5. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 114. Л. 3.
6. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 1–2.
7. ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 948. Л. 4.
8. ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 820. Л. 12–12а.
9. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 104. Л. 102–104.
10. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 65. Л. 77.
11. Там же. Л. 59.
12. Там же. Л. 3, 65.
13. Красное знамя. 1925. 20 ноября.
14. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 104. Л. 21–21об.
15. Обзор политического состояния СССР за май 1926 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://istmat.info/node/25583> (дата обращения: 09.10.2013).
16. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 507. Л. 2–2об.
17. Там же.
18. Красное знамя. 1929. 2 июля.

References:

1. Bondar, NI 1999, 'On the traditional value system of the Kuban Cossacks', *From the cultural heritage of the Slavic population of the Kuban*, Krasnodar; 'Warriors and growers (some aspects of male subculture of the Kuban Cossacks' 2000, *Orthodox, traditional culture, education*, Krasnodar.
2. Documentation Center of the modern history of the Krasnodar Territory (TSDNIKK), f. 12, op. 1, d. 54, l. 50.
3. TSDNIKK, f. 12, op. 1, d. 61, l. 12.
4. TSDNIKK, f. 12, op. 1, d. 76, l. 42.
5. TSDNIKK, f. 1, op. 1, d. 114, l. 3.
6. TSDNIKK, f. 1, op. 1, d. 66, l. 1-2.
7. TSDNIKK, f. 17, op. 1, d. 948, l. 4.
8. TSDNIKK, f. 17, op. 1, d. 820, l. 12-12a.
9. State Archives of the Krasnodar region (GAKK), f. f-411, op. 2, d. 104, l. 102-104.
10. GAKK, f. f-411, op. 2, d. 65, l. 77.
11. GAKK, f. f-411, op. 2, d. 65, l. 59.
12. GAKK, f. f-411, op. 2, d. 65, l. 3, 65.
13. *Red banner* 1925, November 20.
14. GAKK, f. f-411, op. 2, d. 65, l. 21, 21ob.
15. *Review of the political state of the USSR in May 1926* 2013, retrieved 09 October 2013, <<http://istmat.info/node/25583>>.
16. TSDNIKK, f. 8, op. 1, d. 507, l. 2-2ob.
17. TSDNIKK, f. 8, op. 1, d. 507, l. 2-2ob.
18. *Red banner* 1929, July 2.